

ИСТОРИИ О СУФИЙСКИХ ПОДВИЖНИКАХ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ ФАРИДА АД-ДИНА АТТАРА

ФЕДОРОВА

Юлия Евгеньевна,

канд. филос. наук, науч. сотр. сектора
философии исламского мира, Институт
философии РАН
(109240, Россия, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1).
E-mail: julia_fedorova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется ряд историй о беседах Раби'и ал-'Адавийи и Хасана ал-Басри — представителей раннего мистико-аскетического направления в исламе. Эти истории содержатся в поэмах («Язык птиц», «Божественная книга») и агиографическом сочинении «Поминание друзей Божиих» крупного персидского поэта и суфийского мыслителя Фарид ад-дина 'Аттара (XII–XIII вв.). В контексте его философских взглядов в настоящей работе трактуются важнейшие вопросы учения Раби'и, рассматриваются отдельные аспекты суфийской беседы, связанные с обсуждением суфийских добродетелей, интуитивного знания и любви к Богу.

Ключевые слова: философия, ислам, суфизм, 'Аттар, Раби'а ал-'Адавийи, Хасан ал-Басри.

УДК 141.336

DOI 10.22311/2074-1529-2017-13-4-187-202

В сочинениях Фарид ад-дина 'Аттара содержится немало сюжетов о первых суфийских подвижниках, их наставлениях, праведных деяниях и чудесах. Все эти истории служат образцом уникальной в своем роде модели отношений между учеником и наставником-суфием, посредством которой 'Аттар создает свой особый философский дискурс. В его сочинениях философские «истины» не облачаются в форму максимально отвлеченных теоретических положений, а подаются в виде занимательных историй-притч.

Наибольшую известность получили истории Фарид ад-дина 'Аттара о басрийской подвижнице Раби'е ал-Адавийе (713/714/717–801) и крупном проповеднике Хасане ал-Басри (642–728), которые можно встретить в антологии «Поминание друзей Божиих» (*Тазкират ал-авлийа*) и двух поэмах: «Язык птиц» (*Мантик ат-тайр*) и «Божественная книга» (*Илахи-нама*). Особую значимость и уникальность беседам Раби'и и Хасана придает тот факт, что они носят архетипический характер: Раби'а и Хасан на самом деле не встречались, т. к. на момент его смерти Раби'е было всего десять лет¹.

¹ Smith M. Rabi'a the Mystic and Her Fellow-Saints in Islam: Being the Life and Teachings of Rabi'a Al-Adawiyya Al-Qaysiyya of Basra together with some account of the place of the women saints in Islam. CUP Archive, 1984. P. xxvii.

Их невероятно ёмкие рассуждения существуют только в интеллектуальном пространстве исламской культуры, а не в реальной истории. Здесь исключительную важность приобретает не та Раби'а и не тот Хасан, которые жили в Басре на заре ислама, а те, что вошли в сокровищницу суфийской мудрости, стали бессмертными героями суфийских притч и агиографических сочинений, носителями исключительного благочестия, образцами истинного служения Богу и творцами чудес, архетипами мистиков высшего порядка.

В научной литературе имена Раби'и и Хасана ал-Басри часто упоминаются в общем контексте, когда речь заходит о начальном этапе возникновения исламского мистицизма. Уже стало общим местом, что Хасана ал-Басри считают одним из основателей аскетического движения в исламе, к представителям которого причисляют и Раби'ю, с той лишь оговоркой, что ее аскетизм был несколько иного рода. Е. Э. Бертельс писал, что «изречения Раби'и показывают, что уже в VIII в. мистические настроения в недрах аскетического движения росли и готовилась почва для превращения суфизма в тот “гимн божественной любви”, которым он стал в X–XI вв.»¹ С именем Раби'и традиционно связывают зарождение мистического течения в раннеисламском аскетическом движении «отрешения от мирского» (*аз-зухд фи ад-дунья*)². В частности, Р. Николсон отмечал: «В VIII в. главным импульсом религиозной жизни был страх — перед Богом, адом, смертью, грехом, — однако уже начала набирать силу и противоположная тенденция, и подвижница Раби'а являет собой как минимум один заметный пример поистине мистического самозабвения»³. Согласно одной из историй, Раби'а как-то шла по улице Басры и несла в одной руке факел, а в другой — кувшин с водой. На вопрос о том, зачем ей понадобились эти предметы, она ответила: «Я хочу метнуть пламя в Рай и вылить воду в Ад, чтобы эти две завесы исчезли и стало ясно, кто почитает Господа из любви, а кто — из страха перед Адом и с надеждой на Рай»⁴.

О ее жизни мало что доподлинно известно. М. Смит отмечала, что «нельзя ставить под сомнение тот факт, что она действительно существовала, но все сведения о ее жизни и учении окутаны множеством легенд, которые сегодня едва ли можно отличить от достоверных фактов»⁵. Эту же мысль развивает и А. Д. Кныш: он называет Раби'ю «полулегендарной женщиной-аскетом» и указывает, что «вряд ли можно усомниться в реальности этой исторической личности, но вот отделить

¹ Бертельс Е. Э. Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы // Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. Т. 3. М., 1965. С. 18.

² Насыров И. Р. Раби'а ал-'Адавийя. Суфийский словарь // Междисциплинарные исследования Арабского Востока: Ежегодник научно-образовательного центра исследований Арабского Востока РУДН — 2012: сб. статей / под ред. Н. С. Кирабаева. М.: РУДН, 2012. С. 341.

³ Nicholson R. A. The mystics of Islam. Bloomington: World Wisdom Publ., 2002. P. 3.

⁴ Цит. по Шimmel А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт. 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Садра», 2012. С. 52.

⁵ Smith M. Rabi'a al-'Adawiyya-Kaysiyya // Encyclopaedia of Islam. Brill, 2007. Vol. 8. P. 354.

достоверную информацию о ней от вымысла не представляется возможным»¹. Мы можем составить представление о Раби‘е, лишь опираясь на сочинения, написанные значительно позже, ведь никакого письменного наследия она после себя не оставила.

В этом отношении ценность сочинения «Поминания друзей Божиих» ‘Аттара — сборника жизнеописаний и высказываний первых суфийских подвижников — трудно переоценить. Более того, «Поминание друзей Божиих» является «основным источником сведений о великих суфиях», в нем содержится «огромный житийный материал; многие агиографические памятники были утрачены, и приведенные в них сведения доступны нам только через произведение ‘Аттара»². Этот сборник состоит из *зикров* (ар. — «упоминание», «поминание») — рассказов о суфиях, по сути представляющих собой «очередное поминание (“зикр”) Бога»³. И совершенно особое место в *Тазкират ал-авлийа* занимает жизнеописание Раби‘и ал-‘Адавийи — единственный *зикр* в сборнике, посвященный подвижнице-женщине. Сам ‘Аттар, предвосхищая вопросы о том, почему он поместил поминание Раби‘и «в ряд мужей», говорил, что он судил не по облику, а по благому намерению⁴: «Когда женщина — муж на пути к Богу (*возвышен Он!*), ее не пристало называть “женщина”»⁵. Все ранние суфии, писал ‘Аттар, уже исчезли, потеряли себя в единении с Богом, в том состоянии уже нет места двойственности: не существует ни «я», ни «ты», ни «мужчины», ни «женщины»⁶.

Согласно общепринятой версии, Раби‘а ал-‘Адавийа происходила из бедной арабской семьи и прожила всю жизнь в Басре — одном из важнейших культурных и политических центров Арабского халифата. В тот период в Басре велась активная работа по сбору хадисов, возникла первая в истории арабо-мусульманской мысли философская школа — *калам*⁷. Кроме того, Басра являлась одним из центров зарождения

¹ Книш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история / пер. с англ. М. Г. Романова. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2004. С. 33.

² Счетчикова Т. А. «Введение» к «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-дина ‘Аттара: формулировка авторского замысла // Вестник РГГУ. № 6(128). Серия: «Востоковедение и африканистика». М., 2014. С. 96.

³ Там же. С. 100.

⁴ Н. Ю. Чалисова отмечает, что в данном контексте ‘Аттар ссылается на хадис, включенный в *Сахих Муслима* (№ 1795): «Передают со слов Абу Хурайры, да будет доволен им Бог, что посланник Бога, да благословит его Бог и приветствует, сказал: “Поистине, не смотрит Бог ни на ваше обличье, ни на ваши богатства, но взирает Он на сердца и дела ваши”».

⁵ *Аттар Фарид ад-дин*. Поминание Раби‘и ‘Адавийи / пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой (в печати).

⁶ Там же.

⁷ *Калам* (араб. — «речь») — одно из пяти основных направлений классической исламской философии, которое часто называют «рационалистической теологией». В развитии калама обычно выделяют два этапа — му‘тазилитский и ‘ашаритский. В му‘тазилитском каламе обсуждался целый комплекс философских проблем, начиная с вопросов о божественных атрибутах, сотворенности Корана, разработке атомистических концепций времени, вещества и пространства и заканчивая этической проблематикой (свобода воли человека и Божественное предопределение, теодицея, концепция действия).

мистического направления в исламе, представителями которого были Раби'а и Хасан ал-Басри.

По словам 'Аттара, когда Раби'а родилась, в семье уже было три девочки, поэтому ей дали имя, которое в переводе с арабского означает «четвертая». Пророк Мухаммад, явившийся во сне ее отцу, предрек, что ей уготовано стать «главой» и «заступницей» праведников. Когда ее родители умерли, подросткую Раби'ю продал в рабство какой-то жестокий человек, и ей приходилось выполнять тяжелую работу. Тем не менее она «постоянно держала пост, ночи напролет молилась и до утра оставалась на ногах»¹. Набожность и праведность Раби'и помогли ей обрести свободу. 'Аттар сообщает, что однажды ночью ее хозяин проснулся и увидел, что весь дом озарен светом, а над творящей молитву Раби'ей в воздухе парит лампа, ничем не прикрепленная к потолку. После этого случая хозяин освободил ее, а Раби'а удалилась от мира и предалась поклонению Богу (*'ибадат*)². 'Аттар пересказывает немало удивительных историй о духовных подвигах Раби'и: за сутки она совершала тысячу поклонов, из-за «предельного благоговения» могла не заметить тростинки, воткнувшейся ей в глаз во время сна, однажды семь суток держала пост и бодрствовала ночью, борясь с низменными порывами души (*нафс*), несколько лет провела в пустыне³.

А. Д. Кныш пишет, что из всех благочестивых подвижников Раби'ю ал-'Адавийю выделяло ее «абсолютное сосредоточение на Боге, которого она считала единственным объектом желаний, любви и почтения»⁴. Всецело обратившись к Богу, Раби'а избрала для себя жизнь в уединении и добровольное безбрачие. На все расспросы, почему она не выходит замуж, Раби'а отвечала: «“Меня тревожит забота о трех вещах. Если освободите меня от этой заботы, я выйду замуж. Первая — в смертный час понесу я свою веру в целостности или нет? Вторая — вложат ли мне книгу [деяний] в правую руку или нет? Третья — в тот час, когда группу тех, кто по правую руку, поведут в рай, а группу тех, кто по левую руку, — в ад, в какой буду я?” [Люди] сказали: “Мы не знаем”. Она сказала: “Мне предстоят такие страдания, как же тут беспокоиться о муже?!”»⁵

В беседах с подвижниками Раби'а бескомпромиссно показывала им истинные мотивы их поступков и высказываний, которые зачастую представляли собой лишь показное благочестие и неискреннее смирение. Так, один видный басрийский шейх начал в ее присутствии поносить этот мир, но заслужил в ответ не похвалу, а порицание Раби'и. Она

¹ Аттар Фарид ад-дин. Поминание Раби'и 'Адавийи.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. С. 35.

⁵ Аттар Фарид ад-Дин. Поминание Раби'и 'Адавийи.

указала на скрытую от самого шейха привязанность к бренному миру: «Больно любишь ты этот мир. Если б не любил, не поминал бы его! Ведь товар ругают покупатели. Будь ты свободен от этого мира, не поминал бы его ни добром, ни злом...»¹ Не менее строга была Раби'а и к самой себе: однажды ее одолела болезнь, причину которой она видела в том, что обратилась к чему-то, кроме Бога: «Я глянула на рай, и мой Господин проучил меня! На рассвете наше сердце повлеклось к раю, Друг укорил нас. Вот отчего эта болезнь»².

Свою «безраздельную приверженность Богу», как пишет А. Д. Кныш, Раби'а пронесла через всю свою жизнь. На пороге смерти она даже повелела своим друзьям-подвижникам покинуть ее дом, чтобы туда свободно могли войти посланники Бога, пришедшие за ее душой. Покидая Раби'ю, ее друзья слышали, как к ней обратился таинственный голос: «О ты, душа упокоившаяся! // Вернись к твоему Господу довольной и снискавшей довольство! // Войди с Моими рабами, // Войди в Мой рай!»³ Когда великие мужи снова вошли к Раби'е, она уже скончалась.

В жизнеописании 'Аттара Раби'а предстает как своего рода архетип «друга Божия». Это подтверждают приведенные нами истории. Из них явственно следует, что эта подвижница «не имела равных в поведении и познании», «была почитаема великими мужами эпохи» и являлась «неоспоримым аргументом для своих современников»⁴. И. Р. Насыров отмечает, что в подвижнической практике Раби'и наблюдаются принципиальные расхождения с другими аскетами, как ее предшественниками, так и современниками. Основное отличие заключается в понимании главной цели подвижничества. Многие аскеты стремились вести праведный образ жизни и должным образом соблюдать все религиозные предписания лишь для того, чтобы избежать адских мук и обрести блаженство в раю⁵. И лишь одна Раби'а говорила о чистой, всепоглощающей и бескорыстной любви к Богу (*махаббат*), без которой невозможно не только обрести благодать и спасение, но и познать Бога.

Составить представление о том, сколь высок был авторитет Раби'и среди ученых мужей и подвижников, поможет следующая история. 'Аттар сообщает, что у Хасана ал-Басри вошло в обычай отменять собрание, если Раби'а по какой-то причине не пришла к нему. По словам Хасана ал-Басри, он не мог «вливать в груди муравьев тот шербет, что предназначил для слона»⁶. А когда его речи заставляли трепетать

¹ *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби'и 'Адавийи.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби'и 'Адавийи.

⁵ Насыров И. Р. Раби'а ал-'Адавийа. Суфийский словарь. С. 344–345.

⁶ *Аттар Фарид ад-дин*. Зикр Хасана ал-Басри. Цит. по: Чалисова Н. Ю. «Зикр Малика Динара» из «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-дина Аттара // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М.: Наука, 1989. С. 158.

сердца всех собравшихся, Хасан ал-Басри неизменно возносил хвалу Раби'е: «О девственница, “это от раскаленных углей твоего сердца”. О сеида¹, весь этот жар — от одного уголька твоего сердца!»²

В связи с этим очень интересно посмотреть, каким образом 'Аттар создает суфийский философский дискурс, привлекая в качестве иллюстрации сюжеты с участием Раби'и и Хасана ал-Басри. Важно отметить, что в беседах с Раби'ей Хасан ал-Басри предстает в несколько непривычном статусе. В суфийской традиции он обычно изображается носителем высших нравственных качеств, всегда являя собой образец абсолютной искренности, набожности и непреклонности в следовании религиозным предписаниям. 'Аттар же совершенно по-другому представляет смысловые акценты: теперь Хасан уже не именитый наставник, а преданный ученик Раби'и. Мы представим разбор нескольких историй, в которых жаркие диспуты о «суфийских истинах» разгорались от одного уголька горящего любовью сердца Раби'и ал-'Адавийи. Все эти истории можно разделить как минимум на три группы — в зависимости от вопросов, которые в них обсуждаются. К первой группе можно отнести беседы о суфийских добродетелях и пороках; ко второй — споры об истине и интуитивном познании; в третью включить рассуждения о любви к Богу.

Начнем с разговора о суфийских добродетелях. Для представителей раннего суфизма в целом было характерно весьма сдержанное, если не сказать пренебрежительное, отношение к внешней, обрядовой стороне поклонения Богу и всем тем занятиям, которые не были связаны с воспитанием высоко ценимых нравственных качеств. К ним традиционно причисляли: упование на Бога (*таваккул*), терпение (*сабр*), смирение (*хумул*), искренность (*ихлас*), духовную нищету (*факр*) и правдивость (*сидк*). Г. Риттер пишет, что смирение как таковое предполагает, что суфий не ставит себя выше любого другого живого существа в мире, ведь все они (и люди, и животные) — творения Бога³ и в этом смысле равны. Именно поэтому суфии старались жить в мире с животными, не причинять им вреда и в том числе не употреблять в пищу их мясо. В этом отношении весьма показательна беседа, которая дублируется у 'Аттара в поэме «Божественная книга» и «Поминании Раби'и ал-'Адавийи»:

Передают, что однажды Раби'а взошла на гору. Горные козлы и гавели собрались в круг и смотрели на нее. Тут показался Хасан ал-Басри. Все бросились бежать. Хасан, увидев такое, пришел в замешательство и воскликнул: «О Раби'а, почему они от меня бросились бежать,

¹ Букв. с *ар.* — «глава».

² *Аттар Фарид ад-Дин*. Зикр Хасана ал-Басри. Цит. по: Чалисова Н. Ю. «Зикр Малика Динара» из «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-Дина Аттара. С. 158.

³ *Ritter H., O'Kane J., Radtke B. The Ocean of the Soul: Man, the World, and God in the Stories of Faria al-Din Attar. Leiden, NL: Brill., 2003. P. 340.*

а с тобой были дружелюбны?» Раби'а спросила: «Что ты ел сегодня?» Он сказал: «Похлебку с салом». Она сказала: «Ты же съел их сало. Как им не бежать от тебя?»¹

В «Божественной книге» эта притча изложена чуть более подробно. В послесловии к ней 'Аттар разъясняет, почему истина оказалась на стороне Раби'и. В этой беседе Хасан ал-Басри олицетворяет собой того, кто уповает на «хлеб и воду», как пишет 'Аттар, т. е. на блага бренного мира, а не на Бога, служит телу, забывая о душе:

Ты так уповаешь на хлеб и воду,
Набиваешь живот по-богатырски!
Ты ничто без нужника и кухни, о муж!
Сердце твое не устало от этих двух адов, о муж?
Из одного ада переходишь в другой,
Выйдешь из нужника — и сразу в кухню.
Ты ни минуты не терпишь без пищи и вожделений.
До каких же пор тебе тешиться пустыми фантазиями?!
Тебе было сказано: очисти душу,
А ты постоянно заботишься только о теле.
Тебе нужно всегда заботиться о внутреннем,
А ты только и делаешь, что служишь внешнему².

История-притча о беседе Раби'и и Хасана, которая начиналась у 'Аттара с порицания весьма тривиального земного порока (чревоугодия), в результате выводит нас на новый смысловой уровень — к философскому тезису о том, что мир с его соблазнами подлинным бытием не обладает, это лишь «пустая фантазия», внешняя оболочка, за которой скрывается истина (Бог). Согласно 'Аттару, наш мир — это ад, обрекающий человека на муки еще при жизни, и потому забота о теле, излишняя склонность потакать всем плотским желаниям, создает множество завес и преград на пути души к Богу. Излюбленным приемом в рассуждениях 'Аттара является использование соотношения категорий «внешнее–внутреннее» (или «явное–скрытое»). Здесь он также остается верен себе: «внешнее» ассоциируется с телом и сотворенным миром, которым служить не должно, а «внутреннее» — с душой и Богом, которого можно созерцать в сердце.

Иногда беседы выстраивались у 'Аттара в опосредованной форме — Раби'а не увещевала Хасана ал-Басри напрямую, а могла вручить ему какой-то предмет, который наилучшим образом отражал суть того,

¹ *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби'и 'Адавийи.

² *Лахути Л. Г.* Илахи-наме — «Божественная книга» Фарид ад-Дина 'Аттара (XII–XIII вв.). Второй сын. Беседа седьмая. Рассказы 10–17 // Ирано-славика. 2015. № 2(29). С. 42.

что обсуждалось. В качестве иллюстрации можно привести историю из «Поминания Раби'и ал-'Адавийи»:

Передают, что однажды Раби'а послала Хасану три вещи: кусок воска, иглу и волос. Сказала: «Как воск — освещай мир и сгорай сам! Как игла — будь гол и постоянно трудись! Если ты приобрел эти два качества, будь как волос, чтобы труд твой не пропал даром!»¹

И вновь Хасан ал-Басри выступает в роли ученика, нуждающегося в наставлении и поучении, особенно в вопросах суфийской духовной практики. Каждый из присланных Раби'ей предметов символизирует конкретное душевное состояние, к обретению которого должен прилагать усилия каждый благочестивый подвижник. «Кусок воска» или свеча, которая озаряет тьму и «гибнет» от пламени огня, — это метафорическое описание стремления суфия к состоянию «[само]уничтожения в Боге» (*фана'*), высшей цели суфийского пути. «Игла» символизирует постоянное усердствование в борьбе со страстями (*муджахада*). «Волос» означает высшую степень нищеты (*факр*), как внешней (добровольный отказ от всех материальных благ), так и внутренней (духовное обнищание и нужда в Боге).

Не менее показательна и беседа о важнейшей суфийской добродетели — правдивости (*сидк*), которая определялась как полное соответствие между делами и помыслами суфия: «любое благодеяние тщетно, если оно не проистекает из искреннего и бескорыстного желания подвижника снискать Божественное благорасположение»². В присутствии Раби'и о правдивости рассуждали три подвижника: Хасан ал-Басри, Малик Динар и Шакик Балхи³. Каждый из них высказал свое представление о том, что есть правдивость в служении Богу. Хасан ал-Басри говорил: «Не правдив в своем притязании всякий, кто не сносит терпеливо рану от Господина своего». Шакик Балхи был убежден в неправдивости притязаний всякого, «кто не благодарен за рану от Господина своего». Малик Динар предположил, что «тот не правдив в своем притязании, кто не наслаждается раной от Друга своего». Выслушав оппонентов, Раби'а показала, что в своих притязаниях на правдивость, все они оказались неискренними, т. к. каждый руководствовался еще чем-то, кроме бескорыстной любви к Богу. Терпеливое перенесение мучений, благодарность за них и наслаждение ими — на деле оказываются не восхвалением Бога, а превознесением самого себя, т. к. всячески подчеркивается сам факт страдания. Согласно Раби'е, есть нечто, намного превосходящее все то, о чем говорили ее собеседники, когда любовь к Богу заставляет полностью забыть о себе:

¹ *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби'и 'Адавийи.

² *Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история / пер. с англ. М. Г. Романов. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2004. С. 357.

³ Шакик Балхи (ум. 810) — хорасанский суфий, известный своим учением об уповании на Бога.

Раби'а сказала: «Тот не правдив в своем притязании, кто не забывает боль от раны в созерцании Господина своего!» — Не правдив в своем притязании всякий, кто не забывает боль от раны в созерцании Желанного ему. Это неудивительно. Ведь женщины Мисра¹, созерцающая Йусуфа (мир ему!), не почувствовали боли от ран. Что ж удивительного, если кто-то бывает таким в созерцании Творца?!²

Аргументация Раби'и целиком выстраивается на концепте любви к Богу, которая позволяет суфию отринуть все остальные чувства, даже если речь идет о боли от ран. Свои слова Раби'а подтверждает ссылкой на историю о кораническом пророке-праведнике Йусуфе (библ. Иосифе), одаренном дивной красотой, и Зулейхе: «Городские женщины говорили: жена вельможи увлеклась страстью к своему молодому слуге; он возбудил в ней любовь к себе. Видишь, что она явно сбилась с пути. Когда она слышала их пересуды, то послала за ними, приготовила им пир и дала каждой из них по ножу; потом сказала: выйди к ним. Когда они увидели его, то пришли от него в исступление, порезали себе руки и говорили: ей-богу! Это не человек, это восхитительный ангел» [Коран, 12: 30–31]³. Если один лишь взгляд на прекрасного Йусуфа приводил женщин в восторг, заставляя забыть о ранах, то в созерцании Бога, по словам Раби'и, тем более не должно помнить о ранах, ведь он соединяет в себе всю красоту и совершенство. Согласно Раби'е, самое прекрасное занятие для суфия — когда он полностью погружен в созерцание совершенного объекта любви (Бога), а лучший «бальзам для раны» — соединение с Ним.

Теперь рассмотрим беседы о знании. В «Поминании Раби'и ал-'Адавийи» и поэме «Язык птиц» 'Аттар снова излагает схожий сюжет: в нем идет речь о некоей истине, которую Раби'а обрела через озарение:

Передают, что Хасан однажды пришел к ней в келью. Сказал: «Расскажи мне о тех знаниях, что не преподаны и не услышаны, но проникли в твое сердце без посредничества сотворенных!» Она сказала: «Я спряла несколько клубков ниток, чтобы продать и тем добыть немного еды. Продала за два дирхема. Один взяла в эту руку, а другой — в ту руку. Боялась — если возьму оба в одну руку, их станет двое, и они собьют меня с пути. Вот это — моя сегодняшняя победа»⁴.

На примере монет Раби'а раскрывает понимание важнейшего элемента своего мировоззрения — признания единства и единственности Бога (*таухид*). Эта установка на единство у Раби'и была выражена наиболее последовательно: лишь одного Бога она почитала единственным

¹ Арабское название Египта.

² *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби'и 'Адавийи.

³ Коран / перевод смыслов Г. С. Саблукова. Казань, 1907.

⁴ *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби'и 'Адавийи.

объектом поклонения и любви, лишь на него возлагала все упования, к нему обращала все молитвы. Даже две монеты Раби'а не отваживалась взять в одну руку, чтобы не впасть в грех «двойственности». В этой истории четко прослеживается характерная для 'Аттара идея о том, что подлинным бытием обладает только Бог, и даже если мы видим вокруг себя оппозиции (тело и душа, земной мир и духовный), это говорит не о том, что они на самом деле есть, а лишь о нашей неспособности видеть за ними единство.

Во многих рассуждениях Раби'и содержится очень важная идея о том, что обретение истины и познание Бога во всей полноте может быть доступно только тем, кто избрал для себя путь непосредственного, интуитивного познания. Именно об этом способе обретения знания о Боге у Раби'и и Хасана состоялась одна репрезентативная беседа:

Он сказал: «О Раби'а! Чем ты приобрела такую степень?» Она сказала: «Тем, что потеряла в Нем все приобретения». Хасан спросил: «Как ты познаешь Его?» Она сказала: «Это ты познаешь “как”, мы познаем без “как”»¹.

Как следует из разговора, Хасан убежден в том, что причину любого явления можно постичь, опираясь на разум ('акл) и выясняя, в чем причина того или иного явления («как?»). В ответе Раби'и можно проследить развитие принципиального для 'Аттара тезиса о том, что методы рационального познания в области божественного очень сильно ограничены. Постоянное вопрошание о причинах чревато заблуждениями — это не только не позволяет снять завесу между человеком и его Создателем, но выстраивает еще большие преграды на пути к Богу.

Важно подчеркнуть, что в высказываниях Раби'и уже появились зачатки совершенно иного представления о соотношении Бога и мира, окончательно оформившегося на этапе философского суфизма. Принципиальным отличием этого нового представления стала идея о том, что между Творцом и творением нет онтологического разрыва как такового. Это, в свою очередь, означало, что «божественное бытие и множественный мир есть противоположности, онтологически фундирующие друг друга, что мир есть *не иное* Бога, несмотря на асимметричность отношения между абсолютным божественным бытием и профанным миром»². Подобный взгляд на соотношение Бога и мира открыл для суфиев возможность установления «диалогического общения между Богом и человеком». Суфийские поэты описывали этот феномен в образах любовной лирики, а отношение между Богом и человеком осмысливали в терминах «Возлюбленный» и «влюбленный».

¹ Аттар Фарид ад-Дин. Поминание Раби'и 'Адавийи.

² Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009. С. 140.

Раби'а первой встала на этот путь. Как отмечает А. Шиммель, она «привнесла в суровое учение ранних аскетов элемент самоотверженной любви и придала суфизму окраску подлинного мистицизма»¹. Сама А. Шиммель определяла мистицизм как «любовь к Абсолюту» и отмечала, что «сила, отличающая подлинный мистицизм от аскетизма, есть любовь»². С точки зрения Шиммель, Раби'а ал-'Адавийа была истинным мистиком, т. к. именно она первой отважилась описать свое отношение к Богу в терминах любви (абсолютной и бескорыстной), а не страха и трепета перед Его грозным ликом. В подтверждение можно привести стихи Раби'и, в которых она обращается к Богу:

О Возлюбленный сердец, у меня нет никого подобного тому,
что есть в Тебе,
Поэтому сжался в сей день над грешницей, которая приходит
к Тебе!
О моя Надежда и мой Покой и мое Блаженство,
Сердце мое не может любить никого, кроме Тебя!³

М. Т. Степанянц пишет о двустороннем характере божественной любви, которая «существует в двух видах: любовь Бога к творению и любовь творения к Богу. Творение испытывает любовь, или стремление, к Богу, ибо оно — его часть»⁴. В свою очередь, И. Р. Насыров рассуждает о двух формах божественной любви, которая проявляется «как тоска Бога по миру и как тоска мира к Нему, и вторая форма, или тоска мира к Нему, есть тоска частей по целому, их желание вернуться к целому»⁵. Эти замечания представляются нам очень важными для понимания онтологического аспекта «любви» как одного из ключевых понятий суфийской философии. В одном известном хадисе Бог говорит: «Я был скрытым сокровищем, и Мне было любо быть узванным, потому Я сотворил мир». Итак, Бог творит мир из любви, мир сотворен, чтобы стать местом самоманифестации и, по сути, самопознания Бога, который любит и познает сам себя через мир, через людей, живущих в нем.

В жизнеописании Раби'и содержится множество историй, показывающих, что ее страшила одна только мысль о том, что кто-то или что-то может отвлечь ее от Возлюбленного-Бога — будь то люди, вещи, земные заботы, красоты мира, даже сам Пророк: «...я настолько отделила сердце от мира и уменьшила свои чаяния, что тридцать лет с тех

¹ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. С. 51.

² Там же. С. 20.

³ Цит. по: Шиммель А. Мир исламского мистицизма. С. 52.

⁴ Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. С. 115.

⁵ Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). С. 362.

пор молилась так, как если бы то была моя последняя молитва — я *молюсь прощальной молитвой* — и настолько не нуждалась в людях и от-
решилась [от них], что, когда наступал день, я говорила, страшась, что
люди отвлекут меня: “О Боже! Увлеки меня Собою, чтобы никто не от-
влек меня от Тебя!”¹ По весне Раби‘а запиралась в доме, чтобы скрыть-
ся от созерцания „следов творения“. Эту историю ‘Аттар приводит в по-
эме «Книга скорби» (*Мусибат-нама*):

Как-то раз по весне Раби‘а
Вошла в мрачный и темный дом.
От всего мира [отвернувшись], склонила голову к земле,
И так в тишине пребывала очень долго.
Перед ней явился подвижник, сказал: «Пришло время!
Поднимайся! Выходи! Взгляни на мир!
И увидишь Его многоцветное творение!
Доколе будешь пуще прежнего грустить по Нему?!»
Раби‘а ответила ему: «Ты войди в дом,
И увидишь Творца, о глупый советчик!
К чему мне желать сотворения моря и суши?!²
Ведь есть мой Творец, мне нет дела до творения!»
Если в твоём сердце — путь к Творцу,
В объятиях Того творение — словно солома!³

Когда во сне ей явился Пророк, Раби‘а призналась ему: «О Послан-
ник Бога, кто же не любит тебя?! Однако любовь к Истинному так охва-
тила меня, что в моем сердце не осталось ни любви, ни вражды к дру-
гим»⁴. А однажды в пустыне, когда Раби‘а направлялась в Мекку, ей
навстречу вышла Ка‘ба⁵, но подвижница не удовольствовалась этим:
«Мне нужен Господин дома! Что мне делать с Ка‘бой?! Для меня не су-
ществует сила Ка‘бы. Что за радость в красоте Ка‘бы?»⁶ Аттар сообщает,
что из страха перед «разделенностью» с Богом Раби‘а не брала в руки
ножа и постоянно повторяла: «Боюсь разделенности. Я ведь привык-
ла к Нему. Не должны же в смертный час возгласить: “Ты не достой-
на Нас!”»⁷

¹ *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби‘и ‘Адавийи.

² То есть всего мира.

³ *‘Аттар Нишабури*. Мусибат-нама: мукаддама, тасхих ва та‘ликат-и Мухаммад Риза Шафи‘и Кадкани. Тихран: Иштишарат-и Сухан, 2009. Байт 3750–3756.

⁴ *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби‘и ‘Адавийи.

⁵ Ка‘ба (ар. «куб») — главная святыня мусульман, расположенная в центре Заповедной мечети (*ал-масджид ал-харам*) в Мекке. Паломничество к Ка‘абе (хадж) входит в число пяти столпов ислама.

⁶ *Аттар Фарид ад-Дин*. Поминание Раби‘и ‘Адавийи.

⁷ Там же.

В рассуждениях и беседах Раби‘и любовь предстает как важнейший процесс обретения целостности, преодоления раздробленности на любящего (человек) и Возлюбленного (Бог) и признания единства и единственности Бога (*таухид*). Рассмотрев несколько бесед, мы увидели, что Раби‘а последовательно развивала идею о том, что невозможно достичь высших нравственных качеств или обрести истинное знание, если пытаться выстроить отношения с Богом на фундаменте какой-то личной выгоды. Именно поэтому в своих поэмах и антологии ‘Аттар проводит мысль о том, что высшие душевные качества и знание доступны Раби‘е, а не ученым мужам, т. к. лишь она идет к Богу путем любви, искренней и бескорыстной.

Беседы Раби‘и с Хасаном ал-Басри являются примером действительно редкого для исламской культуры явления, когда женщина благодаря своей исключительной праведности и полному самоотречению в любви к Богу становится духовным наставником для весьма известных в то время мужчин-суфиев, а позднее — объектом почитания и примером для тех, кто избрал суфийский путь богопознания. Кроме того, эти беседы отражают один из ключевых тезисов ‘Аттар и широко распространенную в суфизме идею: «в духовной жизни нет ни мужчин, ни женщин; подлинным мужчиной, “мужем”, можно назвать всех, победивших свою низшее начало, будь то мужчина или женщина»¹.

Литература

‘Аттар Нишабури. Мусибат-нама: мукаддама, тасхих ва та‘ликат-и Мухаммад Риза Шафи‘и Кадкани. Тихран: Истишарат-и Сухан. 2009. 957 с. (на перс. яз.)

Аттар Фарид ад-Дин. Поминание Раби‘и ‘Адавийи / пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой (в печати).

Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. Т. 3.-М.: Издательство восточной литературы, 1965. 524 с.

Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история / пер. с англ. М. Г. Романова. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2004. 464 с.

Лахути Л. Г. «О праведной жене» (рассказ из маснави Фарид ад-Дина Аттар «Илахи-наме») // Суфий. 2013. № 16. С. 39–43.

Лахути Л. Г. Илахи-наме — «Божественная книга» Фарид ад-Дина ‘Аттар (XII–XIII вв.). Второй сын. Беседа седьмая. Рассказы 10–17 // Ирано-славика. 2015. № 2(29). С. 42–45.

---

¹ Лахути Л. Г. «О праведной жене» (рассказ из маснави Фарид ад-Дина Аттар «Илахи-наме») // Суфий. 2013. № 16. С. 40.

Насыров И. Р. Раби'а ал-'Адавийя. Суфийский словарь // Междисциплинарные исследования Арабского Востока: Ежегодник научно-образовательного центра исследований Арабского Востока РУДН — 2012: сб. статей под ред. Н. С. Кирабаева. М.: РУДН, 2012. С. 341–345.

Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009. 552 с.

Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 192 с.

Счетчикова Т. А. «Введение» к «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-Дина 'Аттара: формулировка авторского замысла // Вестник РГГУ. 2014. № 6(128). Серия: «Востоковедение. Африканистика». С. 96–119.

Чалисова Н. Ю. «Зикр Малика Динара» из «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-Дина Аттара // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М.: Наука, 1989. С. 139–173.

Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт. 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Садра», 2012. 536 с.

Nicholson R. A. The mystics of Islam. Bloomington: World Wisdom Publ., 2002. 144 p.

Ritter H., O'Kane J., Radtke B. The Ocean of the Soul: Man, the World, and God in the Stories of Farid al-Din Attar. Leiden, NL: Brill., 2003. xxvi+832 p.

Ritter H. The Ocean of the Soul: Man, the World, and God in the Stories of Farid al-Din Attar. / Ritter H.; Translated by J. O'Kane: with the editorial assistance of B. Radtke. Leiden, NL: Brill., 2003. xxvi+832 p.

Smith M. Rabi'a the Mystic and Her Fellow-Saints in Islam: Being the Life and Teachings of Rabi'a Al-Adawiyya Al-Qaysiyya of Basra together with some account of the place of the women saints in Islam. CUP Archive, 1984. xxxv+219 p.

Smith M. Rabi'a al-'Adawiyya-Kaysiyya // Encyclopaedia of Islam. Brill. 2007. Vol. 8. Pp. 354–356.

References

'Attar Nishaburi (2009). *Musibat-nama: mukaddama, tashih va ta'likat-i Muhammad Riza Shafi'i Kadkani* [Book of Sorrow: Introduction and Commentary by Muhammad Riza Shafi'i Kadkani]. Tehran: Istisharat-i Suhan. 957 c. (in Persian)

'Attar Farid ad-Din (in print). *Pominanie Rabi'i 'Adaviyi* [Remembering of Rabi'a al-'Adawiya]. Per. s pers. i komment. N. Chalisovoy (in Russian).

Bertel's E. (1965). *Sufizm i sufiiskaya literatura. Izbrannye trudy* [Sufism and Sufi Literature. Selected Works. Vol. 3]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. 524 p. (In Russian).

Knysh A. (2004). *Musul'manskiy mistitsizm: kratkaya istoriya* [Islamic Mysticism: a Short History]. St. Petersburg: DILYA Publishing House. 464 p.

Lahuti L. (2013). «O pravednoy zene» (rasskaz iz masnavi Farid ad-Dina Attara «Ilahi-name») [“On Righteous Woman” (a story from Farid al-Din ‘Attar’s masnavi “Divine Book”)]. *Sufi*. No. 16. Pp. 39–43.

Lahuti L. (2015). Ilahi-name — «Bozhestvennaya kniga» Farid ad-Dina ‘Attara (XII–XIII vv.). Vtoroy syn. Beseda sed’maya. Rasskazy 10–17 [Ilahi-nama — the “Divine Book” of Farid al-Din ‘Attar (XII–XIII centuries). The second Son. Seven Conversation. Stories 10–17]. *Irano-Slavika*. No. 2(29). Pp. 42–45.

Nasyrov I. (2012). *Rabi’a al-‘Adawiya. Sufiyskiy slovar’* [Rabi’a al-‘Adawiya. Sufi Dictionary]. Center of the Arab World Studies, Yearbook. Moscow: RUDN Publishing House. Pp. 341–435.

Nasyrov I. (2009). *Osnovaniya islamskogo mistitsizma (genezis i evolyutsiya)* [The Foundations of Islamic Mysticism (Genesis and Evolution)]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur Publ. 552 p. (In Russian).

Stepanyants M. (1987). *Filosofskie aspekty sufizma* [Philosophical Aspects of Sufism]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. 192 p.

Schyotchkova T. (2014). «Vvedenie» k «Tazkirat al-auliya» Farid ad-Dina ‘Attara: *formulirovka avtorskogo zamysla* [The “Introduction” to the “Tazkirat al-Awliya” of Farid al-Din ‘Attar: The Formulation of the Author’s Plan], *Vestnik RGGU*, no 6 (128). Moscow: RGGU Publishing House. Pp. 96–119.

Chalisova N. (1989). «Zikr Malika Dinara» iz «Tazkirat al-auliya» Farid ad-Dina Attara [Malik Dinar’s Zikr from the “Tazkirat al-Awliya” of Farid al-Din ‘Attar], *Sufizm v kontekste musul’manskoy kul’tury* [Sufism in Context of Muslim Culture]. Moscow: Nauka Publ. Ss. 139–173.

Shimmel’ A. (2012). *Mir islamskogo mistitsizma* [Mystical Dimensions of Islam]. Moscow: OOO «Sadra». 536 p.

Nicholson R. A. (2002). *The mystics of Islam*. Bloomington: World Wisdom Publ.

Ritter H., O’Kane J., Radtke B. (2003). *The Ocean of the Soul: Man, the World, and God in the Stories of Farid al-Din Attar*. Leiden, NL: Brill. xxvi+832 p.

Smith M. (1984). *Rabi’a The Mystic and Her Fellow-Saints in Islam: Being the Life and Teachings of Rabi’a Al-Adawiyya Al-Qaysiyya of Basra Together with Some Account of the Place of the Women Saints in Islam*. CUP Archive. xxxv+219 p.

Smith M. Rabi’a al-‘Adawiyya-Kaysiyya. *Encyclopaedia of Islam*. Brill. Vol. 8. Pp. 354–356.

STORIES ABOUT SUFI DEVOTEES IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL VIEWS OF FARID AL-DIN 'ATTAR

Yulia E. FEDOROVA,

Cand. Sci. (Philos.), research fellow,
Department of Philosophy of Islamic
World, Institute of Philosophy, Russian
Academy of Sciences
(12, bld. 1, Goncharnaya str., Moscow,
109240, Russian Federation).
E-mail: juliiia_fedorova@mail.ru

Abstract. The article deals with investigation of a number of stories about the conversations between Rabi'a al-'Adawiya and Hasan al-Basri, representatives of the early mystical and ascetic trend in Islam. These stories are gathered in poems of the major Persian poet and Sufi thinker of XII – XIII centuries Farid ad-Din 'Attar ("The Language of the Birds", "The Divine Book") and anthology "Memorial of God's Friends"). The article

shows, that Rabi'a was consistently developing the idea, that it is impossible to the Sufi to attain higher moral qualities or true knowledge, if he tries to build a relationship with God striving for his own posthumous felicity and award. That is why in his poems and anthology, 'Attar affirms that Rabi'a's highest spiritual qualities and divine knowledge are fruit of her pure love to God, and not of her desire for the happy afterlife. The conversations between Rabi'a al-'Adawiya and Hasan al-Basri represent a very rare occurrence in Islamic culture, when a woman, (because of her righteousness and full concentration on love to God), could become a spiritual guide for great Sufi men at that time. Later her life was considered by the Sufi tradition as an example to be followed for those who had chosen the Sufi path of God's knowledge. The article examines the most important aspects of Rabi'a's teachings in the context of the philosophical views of 'Attar. The certain aspects of Rabi'a's Sufi conversation are discussion of Sufi virtues, of intuitive knowledge and human love for God. In Rabi'a's teachings the love of God and recognition of His unity and uniqueness (tawhid) appears as the unique way to the reaching the inner spiritual integrity.

Keywords: Philosophy, Islam, Sufism, 'Attar, Rabi'a al-'Adawiya, Hasan al-Basri.

